

Иван-царевич и девица-царица

Живал-бывал царь вольной человек, жил на ровном месте, как на скатерти. У него были три сына, первой Василей, второй Фёдор, третьей Иван, да были еще при ём люди-слуги роботшия; старшие сыновья были у его толковые, пўтни, а меньшей был безпутнѣй соплячѣк, лежал только на печи тѣплой. Старшие сыновья стали лет семнаццети-восемнаццети; призывает царь вольнѣй человек большого сына Василья, говорит: «Што же ты, мой сын, Василей, вырос ты большой, лет до восемнаццети, не каких ты занятий не занимаешь; мы прежде не так жили: много прежде земли бирали и по земли ездили, и ты по чистому полю поежжай и чудо-диво доставай, отчѣвы следы потоптáй».

Тогда Василей скоро наряжатца стал, надевал на себя цветно платьѣ и пошѣл на конюшен двор себе выбирать коня доброго. Обуздал-обседлал себе коня доброго, пошѣл солнышку-батюшку падать в резвые ноги, просить благословленьича. Падал батюшке и матушке во резвые ноги. Они сказали: «Божьѣ да наше благословление». Садился Василей на добра коня, поехал по чысту полю. Ехал близко ле, далѣко ле, низко ле, высоко ле, завидел в поле сырой дуб, обложенной человеческим косьѣм до верхá. Смотрит Василей-царевич на сырой дуб и дивуется: «Вот чудо и диво! этого дива больше и не наб». Оттуль Василей-царевич обратился назад домой. Опускает коня на конюшенной двор, заходит в дом, спрашивает царь: «Каково поездил? што видал?» — «Я видал такó чудо, больше на свете не видал... (разказ: что видел) ...» — «А это не чудо, это полчуда нету».

Призывает царь сереньяго сына, Фёдора: «Поежжай, сын Фёдор, по чисту полю, чудо-диво доставай, отчѣвы следы потоптáй». Стал Фёдор-царевич нарежатся, надевал на себя цветно платьѣ и пошѣл на конюшен двор себе выбирать коня доброго. Обуздал, обседлал себе коня доброго, пошѣл солнышку-батюшку падать во резвые ноги, просить благословленьича. Падал батюшке и матушке во резвые ноги; они сказали: «Божьѣ, да наше благословление». Садился Фёдор на добра коня, поехал по чысту полю. Ехал близко ле, далѣко ле, низко ле, высоко ле, завидел в поле сырой дуб, обложенной человеческим косьѣм до верхá. Смотрит Фёдор-царевич на сырой дуб и дивуется: «Вот чудо и диво! этого дива больше и не наб». Оттуль Фёдор-царевич обратился назад домой. Отпускает коня на

конюшенной двор. Заходит в дом, спрашивает царь: «Каково поездил, што видал?» — «Я видел тако чудо, больше на свете не видал: ехал близко ле, далеко ле... (следует рассказ, что видел)...» — «Винно старшие сыновья ездили, не могли чудо достать, а младшаго сына Ивана-соплячка и нарежать нечего».

Иван-царевич услышел своего батюшка розговор и слезавает со своей печи тёплой, просит у батюшка, у матушки благословеньицо: «Я желяю по чисту полю гулять, и не могу ле чуда-дива достать и твои следы потоптать». — «Куда же ты пойдёшь-поедешь? старшие братья лучше тебя были, да и то ничего не могли сделать, а тебе и ездить нечего». — «А дайте поеду и не дайте поеду». Тогда говорит царь вольной человек: «Божьё да нашо, дитятко, благословение — поежжай». Стал Иван-царевич нарежаться, надел на себя цветно платьё, пошёл на конюшен двор выбирать сибе по разуму коня. Зашёл, на котораго згленёт, тот дрожит, на котораго руку положит, тот с ног валитса. Не мог себе выбрать по разуму коня, пошёл на другой конюшенной двор. (И на этом дворе не нашёл коня). Вышёл, пошёл вдоль по городу, повеся доржит буйну голову, потупя оци ясныя во сырú землю. Настрецю идёт бабушка-задворенка. Челом бьёт, низко кланяетця: «Здравстуй, Иван-царевич! Что ты идёшь кручинен-печален, повеся доржишь буйну голову, потупя доржишь очи ясныя? царски дети не так ходят». Иван-царевич на ей осержается: «Ах ты стара чертовка! тибе ли про царски дела знать? пну тебя пód гузно, дак будёт синё пód глазом». Розошлись они со бабушкой. Захотелось бабушке во второй раз попытать Ивана-царевича, стала обходить Ивана-царевича по другим улицам. Обошла, стрету идёт, челом бьёт, низко кланеетса: «Что же ты ходишь кручинен...» — «Тебе ли про царски дела знать...» (и т. д.) Тогды с бабушкой опять разстались. Думает бабушка в уми: «схватитса дитятко, да поздно».

Тогда Иван-царевич и раздумалса: «Слыхал я, что старые люди прежде на худо не потака́ли — зачим я бабушке не объяснилса?» Стал Иван-царевич оббегать бабушку-задворенку по другим уличам и идёт ей навстрету, челом бьёт, низко кланеетса. «Здравстуй, бабушка, богоданна матушка». — «Здравстуй, царско дитетко, Иван-царевич, что ходишь кручинен-печален?» — «Как же мне, бабушка, не печалитса: хотел я в чистом поли погулять»... (и т. д. рассказывает, как он выбирал коней и не мог найти). — «Давно бы мне-ка извинилса, давно бы я тибе направила: обратись к батюшке царю, проси у его коня доброва, на котором он ездил-гулял; доброй конь стоит закопанной в погребу, прикован на чепи залезной, а сбруню ищи в вашем старом доме, он бгнил-осыпал, под лавками завалило

струмен лошадиной, седёлышко черкальчето и уздича точмянная». Тогда Иван-царевич пошёл к своему царю батюшку. «Ой, еси батюшко! дай мне твоего добра коня, на котором ты ездил-гулял». — «Что же ты надумался — старши не могли конём владать, а ты хошь владать?» Говорит Иван-царевич: «Дашь возьму и не дашь возьму». — «Божьё и мое благословенье, бери». Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба, скочил Иван-царевич ко добру коню, стал ему доброй конь своими передными ногами на плеча; стоит Иван-царевич под добрым конём нешáхнетця; срывал Иван-царевич чепь железную, выскакивал у его доброй конь из погреба, Ивана-царевича вытаскивал; садился на коня необузданова, необседланова, конь пó полю поскакиват, Иван-царевич дубинушкой коня постёгиват; тогда говорит конь русским языком, человеческим: «Не стегай, Иван-царевич, меня занапрáсно, буду служить тебе вó веки». Тогда повел Иван-царевич своего коня доброва ко старому отчёвому дому, искал уздичу точмянную и седёлышко черкальское; нашёл седёлышко черкальское и уздечку точмянную, обуздал, обседлал, заходил к отцу-матери, прощался с батюшкой-матушкой, вышел вон на улицу и поехал.

Едёт Иван-царевич не по зелёным лугам, едёт по каменным горам; ехал, ехал, близко ле, далёко ле, низко ле, высоко ле, день до вечера; стоит избушка о куриной ножке, об одном окошке, со крутым-красным крыльчом;. выходит из избушки стар матёр чёловек, челом бьёт и низко кланяется. «Здравствуй, Иван-царевич, дитетко!» — «Как же ты меня, бабушка, знашь и по имени называш?» — «Как же тебя не знать: вного этта твой батюшко, царь ежживал». Взяла у Ивана-царевича коня, брала и самого в избу завела, накормила, напоила и спать повалила; у сытого гостя стала вестей спрашивать: «Куды ты, Иван-царевич, правишься? Куды катишься? едеш ты по охоты или по неволи?» Отвечает Иван-царевич: «Своя, охота пуще неволи бывает: хоцю я чудо-диво достать и отчёвы следы потоптать». «Не знаю, мошь ле отчёвы следы потоптать? Много твой батюшко-царь земли бирал. Спи, дитетко, утро — мудро, мудренé вечера быват». Ночку просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой омывался и полотёнышком утирался, выходил вон на уличу. Выходит стар-матёр чёловек на красно-круто крыльчо, заревел по-зверинному, засвистел по-соловьинному: «Где вы есь, серыя волки, все бежите и катитесь во еднó место и во едiной круг, выбирайте промежу собой, которой больше, которой едреньше, за Иваном-царевичем бежать». Сбежались серы волки, выбрали, которой больше и едреньше, за Иваном-царевичем бежать. Все серы волки разбежались, один остался; тогда вывела бабушка старого своего коня, а коня Ивана-царевича

оставляют к обратной пути. «Поезжай, дитяtko, вперёд, там живёт моя сестра, она направит тебя».

Скоро скажется — долго деится. Иван-царевич день до вечера, подъезжает к избушке; стоит избушка о куриной ножке, об одном окошке с крутым-красным крыльцом; выходит стар-матёр человек... (и т. д., повторяется из слова в слово, что и в первый раз)... Выходил стар-матёр человек на красно-круто крыльцо, засвистела по-соловьинному, заревела по-зверинному: «Где вы есь, черные медведи, бежите в одно место, во единой круг... (повторяется что и в первом случае)... Выводит коня: «А твой конь пусь на обратной путь отдыхат». Тогда садитца на коня. «Поезжай, дитетко, вперёд, там живёт сестра, она направит тебя».

Ехал, ехал, ехал, ись захачиваитця, на языки вода остаиваитця, приехал к избушке, стоит избушка, о куриной ножке, об одном окошке, со крутым-красным крыльчом; выходит из избушки стар-матёр человек, челом бьет и низко кланятца: «Здравствуй, Иван царско дитяtko». — «Как же ты меня, бабушка, знашь, по имени называшь?» — «Как же тебя не знаю: вного этта твой батюшко царь ежживал». Взяла у Ивана-царевича коня, обрала и самого в избу завела, накормила, напоила и спать повалила. У сытого гостя стала вестей спрашивать: «Куды ты, Иван-царевич, правишься, куда катишься, едешь ты по охоты или по неволи?» Отвечает Иван-царевич: «Своя охота пуще неволи бывает: хоцю я чюдо-диво достать и отчёвы следы потоптать». — «Много твой батюшко-царь земли бирал... Спи, дитяtko, утро мудро, мудрене вечера бывает». Ночку просыпал, а поутру рано ставал, ключевой водой омывался и полотёнышком утиралса, выходил вон на уличу; выходил стар-матёр человек на красно-круто крыльчо, заревела по-зверинному, засвистела по-соловьинному: «Где вы есь, левы звери! собирайтесь во едино место, во единой круг, выбирайте которой больше, которой едреньше, за Иваном-царевичем бежать». Тогда выводила коня. «Твой конь пусь к обратной пути отдыгхат». Тогда дарила ему бабушка скатёрку-хлебосолку. «На, тебе скатёрка-хлебосолка, захошь ты попить-поись, больше тебя кормить некому, и только ты эту скатерть некуда не девай: захошь ты попить-поись, разверни скатёрку-хлебосолку, сколько хошь ты, тебе питья и ества будет, сколько надобно и неубыльнё». Садилса Иван-царевич на добра коня, распротилса с бабушкой старушкой и вперёд поехал. Бежит за ним серой волк, бежит медведь и бежит лев-зверь.

Ехал, ехал, близко ле, далёко ле, низко ле, высоко ле, доехал до реки. За рекой девича платье полощет. Кричит Иван-царевич: «Ей, девича, перевези

меня через реку?» Говорит девича: «Дашь ле руку-ногу накосо отсекчи?» Отвечает Иван-царевич: «Што тебе в моей руки-ноги? Возьми денег сколько хошь?» Отвечат девича: «Дашь — перевезу, не дашь — не везу». Думает Иван-царевич: «Руку-ногу не дать отсекчи, наб назад обратиться, а охота вперёд ехать». — «Еть перевези, дам руку-ногу накосо отсекчи». Садилась девича в лодку, приежжает. Садилась в лодку Иван-царевич, и конь, и волк, и медведь, и лев; поежжают все через реку, приежжают к берегу, выходит Иван-царевич, коня и волка выводит, медведя и льва. Берёт девича Ивана-царевича за белы руки, ведёт к олтовой плахи, берёт свою саблю вострую и хочёт отрубить руку-ногу на́косо. Выскочил серой волк, схватил девичу, начал бить, ломать, по полю трепать; волочил, волочил, убил и бросил. Тогда сказал серой волк: «Прощай, Иван-царевич, я сослужил свою службу». Поехал Иван-царевич вперёд.

Ехал, ехал, близко ле, далёко ле, низко ле, высоко ле, доехал до реки, встречает опять девичу... (то же самое повторяется до 3-х раз, только в 1-й раз девицу убил волк, во 2-й — медведь, в 3-й — лев; в последний раз девица требует голову отсечь. «А што мне голову отдать, куда мне без головы? Не́как без головы. Звери меня два раза выручили, неужели лев не сохранит?» Лев убил девицу и убежал). Иван-царевич садилса на добра коня и поехал опять вперёд, захотелось ему поись, попить, покушати, слезыват с добра коня, развёртыват скатёрку-хлебосолку, сидит и ес; стал сытешынёк и веселёшынёк. Тогда выглянул поляк. «Хлеб да соль, Иван-царевич? Продай скатёрку-хлебосолку, или на чего сменям?» — «А што у тебя есь хорошаго, поляк?» — «А есь у меня костыль, из плеча в плечо перекатишь, выскочат три солдата, што хошь то и сробят». — «Дай, неси, сменяем». Сменялись, садилса Иван-царевич на добра коня и вперед поехал.

Ехал, ехал... думат в уме: «Зачем я променял поляку?» Взял костыль из плеча в плечо перекатил, выскочили три солдата. «Здрастуй, ласковой хозяин, што скоро понадобятся?» — «Бегите в полё, состигите поляка, отоймите скатёрку-хлебосолку и скажите: не воруй никогда боле». Состигли поляка, били, ломали до полусмерти, принесли скатёрку назад. Опять поехал вперёд. Ехал, ехал, низко ле, высоко ле, близко ле, далёко ле, захотелось попить, поись, покушати; слезыват со добра коня, развёртыват скатёрку-хлебосолку, сидит и ес, сытешынёк и веселёшынёк; тогда выглянул Поляк. «Хлеб да соль, Иван-царевич! Продай скатёрку-хлебосолку, или на чего сменям?» — «А у тебя што есь хорошаго?» — «Есь у меня молоды яблони и плётка-живулька. Если есь у тебя отеч, матери, ты эти яблони скорми, будут они тебя моложе и краше. А если человек помрёт,

плеткой стегнёшь, он вскочит и побежит». (Обменялись. Поехал, опять жалко стало, опять послал солдат отнять скатерть. Повторяется все то же в третий раз: происходит мена с поляком): «А у тебя што есь хорошего?» — «Ящык, ежели растворишь, будёт город, будут церкви и колоко́лы, и будёшь сидеть в доми за дубовым столом, и будёшь царём, а положишь на которо место, будёт ящик один и будешь ты сидеть в чистом поли». Сменялись. Поехал вперёд Иван-царевич. Ехал, ехал близко ле, далёко ле, низко ле, высоко ле, скоро сказка сказыватца... доехал до городу середка ночи тёмной. В городу ворота за́праны, кругом городу стены, кругом струны проведены, на струнах колоко́лы повешаны. Тогда Ивану-царевичу захотелось в этот город заехать. Прижимат он своего добра коня, осержал его доброй конь, разбежалса конь, скочил чéрез, струны не хватил. В городу увидал Иван-царевич горят свещы; приежжает, слезывает с коня, заходит в гриню, увидал на кровати спит девича-поленича, как сильнёй порог шумит. Разметалась девича, заголилась до грудей. Тогда Иван-царевич этой девичи устрашилса. Обратилса за́ двери, и стал из-за ободверинки за ей выглядывать и думает: «Што же я сонной девичи побоялся? Пойду я лучше ей почелую». Пошёл, девичу почеловал и опять обратился назад к ободревенке. «Што же, разе сотворить с ей любов?» Подошёл к ей, приложилса к ей и сотворил с ей любов. Обратилса к ободверенке, стал на ей здрить. Другой раз пошёл и ради прощенья опять ей почеловал, и пошёл назад скоро на уличу. Садилса на добра коня, осержает доброй конь, разбежалса конь, скочил через струны и хватил задней ногой за струну; струны зазвенели, колоко́лы забренчэли, девича пробудилась. «А кака ле собака наблевала и не охитила». Тогда кричит она своим служанкам зычным голосом: «Скоро служанки нарежайтесь и скоре того коня в карету запрегайте: погонимся за богатырем в чистом поли». Повезли девичу-поленичу в сугон за богатырем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную во свое место, а поленича гонит за ним сзади. Пригонил к посленней бабушки. У бабушки конь выведенной, направленной, готовой. Сейчас с того коня и на другого, с бабушкой простилса и вперед погонил. Девича-поленича немного спустя времени к бабушки пригонила. «Бабушка, этуда зверь не прорыскивал ле?» — «Нет, дитятко». — «Птица не пролетывала ле?» — «Нет, дитятко». — «Молодеч не проежживал ле?» — «Нет, золото, никто не проежживал. Тибе, девича-поленича, не угодно ле в байне попарится? с пути, с дороги тебе натресло». Эта девица знает над собой невзгону: «Пожалуй, бабушка, в байне попарится надо, да ты ра долго продлиш?» — «Што ты, дитятко, сичас изготовлю». Побежала баенку топить бегом, а где девича не видит,

доле время провожат, штобы Иван-царевич дале убралса. Истопила баенку, изготовила. Девича-царица сходила в баенку, попарилась, обкатилась, надела чветно платье, опять погнала в сугон за Иваном-царевичем. Иван-царевич ко второй бабушке, у той конь направленной... (Поленица и у второй бабушки стала спрашивать про молодца, про зверя, про птицу). «Ветер-полоса не прошла ле, бабушка?» — «Нет, дитячко, прошла, да давно. Не угодно ле закусить кашки?» — «Долго, бабушка, варить». — «Што ты, што ты...» Закусила кашки, погнала дальше. Иван-царевич догнал до третьей бабушки, конь готовый опять. Девича-чарича нагонила.. («Не проехал ле» и т. д.) Девича на еду-питье не соглашается, вперед погнала.

Иван-царевич гонит по чисту полю, слышит за собой погоню велику, увидел на земли лежит доска деревянная, бела. Иван-царевич доску схватил, бросил на степь лошадинную, стал на доску надпись писать: У девки-бляди волос долог, ум короток: хочет она в чистом поле догнать ветер-полосу, да где же ей догнать — ветер-полоса всю поселенную кругом ходит. Эту надпись бросил в чисто поле, сам загонил в залезную траву — ни его, ни коня не видать. Едет и не видать его. Девича-чарича нагонила к этой доске, прочитала, своей головой покачала: «Верно, так, у бабы волос долог, да ум короток, где же мне ветер-полосу в чистом поле нагнать?» Тогда обратила своего коня-добра назад и поехала в свое царство.

Иван-царевич проскакал железную траву, пробился на чисто полё. Думает: «Я выменял ящык, да его не пробовал, какой он есь?» Слезыват со добра-коня, сам разстворят ящык на чистое поле и стал сидеть в полатах белокаменных в городе и думает в уми: «Разстворил я город, да не на место». Стал складываться, положил одно место, и стал ящык в чистом поли. Тогда брал коня доброго и поехал вперёд. Приехал домой, открыл ящык около отчёва города и стал город лучше и краше отчёва. Взял свой костыль, из плеча в плечо перекатил: стали три солдата. «Што, ласковой хозяин?» — «А вот, бежите ётом-та город, всю силу присеките и прирубите, а отча да мать в гости мне приведите». Побежали солдаты, всю силу пересекли, царя да чарицу в гости повели. Заводят в полаты белокаменны, встречает их Иван-царевич и угощает. Сидели пировали, панкетовали, а только не знали, что он ихной сын. Иван-царевич сложил ящык — сидят царь-царица в чистом поли возле ящыка. После того Иван-царевич: «Здрастуй, батюшко и матушка родима, узнали ли меня? я ваш сын». Тогда говорит царь: «Вот Иван-царевич, настоячо ты достал чудо и диво». Иван-царевич взял и костыль, показал как действует. Взял плётку-живульку. Всю силу, котору присек, плёткой-живулькой оживил: солдаты побежали, кого

стегнут, тот скочит да побежит; всю силу оживил. Тогда отправились во свое царство. Тогда царь и царица перед Иваном-царевичем дивуются и очинно любуются. «Настояшшо же наш сын чудо-диво достал и отчёвы следы потоптал». Тогда Иван-царевич покормил отца и мать молодыми яблоками, и они стали краше и моложе Ивана-царевича. Тогда стали они любить Ивана-царевича, в чести и пре-милости держать.

Скоро скажется — долго деится. Девича-царича прибыла в свое царство, сделалась беременна, родила двух сыновей, и эти робята растут не по дням, а по часам. Тогда задумала она снарядить корабли, искать виноватого за синёе море. Прибежали в то царство, становились в тихи гавани и написали ерлык, и просят от царя виноватого на кораб. Посылает царь старшего сына Василья. Идёт, видит два парнецька. «Маменька, маменька, вон наш татушка идёт». — «Это не татинька идёт, это наш дедюшка идёт, — говорит им. — Когда взойдет он на кораб, в ноги ему падите, штаны с гузна стените, по жопы наклещите и скажите: «Некогда в чужо дело не суйся»». (Так и сделали). Сын Василей назад едва идёт, жопа сáдет. (Потом пошел Федор, с ним сделали то же самое, что и с первым сыном). Пошёл Иван-царевич, бегают два парнецька. Девича-царича говорит: «Прибежите, падите в ноги, один за ту руку, другой за другу, и ко мне его ведите». Привели: «Здравствуй девича-поленича». — «Как же ты прижил мне двух сыновей, а зачем от меня наугон гонишь?» — «Я тебе хоть и прижил, да без отца-матери благословленья не могу замуж взять». Отец и мать благословили. Обвенчались, стали жить-поживать. Уехали в ихное в девичьё царство. Когда повели венчать, стелили сукна красны, зелены, сини, а за ним шли голи кабацки, резали эти сукна и в кабак носили.

(Рассказано Чупровым Алексеем Васильевичем. Слышал от «крестивого» самоеда, т. е. от крещеного, — лет 55 тому назад)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.